

К юбилею Александра Алексеевича Выборнова

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.8.14>**НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

©2024 г. В.В. Ставицкий

В советской науке преобладала точка зрения о соответствии неолитической культуры группе родственных племен. А.А. Формозов и М.В. Воеводский выделяли и более крупные общности: культурные области, зоны, провинции. Исследование австралийских аборигенов показало, что у них отсутствует деление на племена. Основу их социальной структуры составляли локальные группы (общины), а все более крупные объединения были аморфны и нестабильны. Каждая община находилась в центре своих социальных связей, что приводило к первобытно-культурной непрерывности, которая при отсутствии природно-географических препятствий, не имела четко очерченных границ. Этническое родство не являлось решающим фактором в процессе сложения сходных признаков материальной культуры. Решающее значение имела принадлежность к единому хозяйственно-культурному типу, которая облегчала контакты между неолитическими общинами. Для населения Русской равнины можно выделить три основных культурно-хозяйственных типа: 1) охотники степей и лесостепей на крупных стадных травоядных животных, 2) лесные охотники и рыболовы умеренной зоны, 3) полуседлые рыболовы лесных рек умеренной зоны. Этнографическим аналогом археологической культуры является историко-культурная область, которая нередко имеет этнически неоднородную структуру, а составляющие ее компоненты не обязательно связаны общностью происхождения. В неолите границы таких областей совпадают с бассейнами крупных рек и природно-ландшафтными зонами. Археологическая культура эпохи неолита представляет собой своеобразный сгусток культурно-первобытной непрерывности.

Ключевые слова: археология, неолит, археологическая культура, первобытная непрерывность, община, локальная группа, культурно-хозяйственный тип.

NEOLITHIC CULTURE: THE ISSUES OF INTERPRETATION**V.V. Stavitsky**

In Soviet science, the prevailing viewpoint was that the Neolithic culture corresponded to a group of related tribes. A.A. Formozov and M.V. Voyevodsky also distinguished larger communities: cultural areas, zones, provinces. The study of Australian aborigines has shown that they had no division into tribes. The basis of their social structure was local groups (communities), and all larger associations were amorphous and unstable. Each community was at the Centre of its social ties, that led to primeval cultural continuity, which, in the absence of natural and geographical obstacles, had no clearly defined boundaries. Ethnic kinship was not a decisive factor in the process of formation of similar features of material culture. The decisive significance was the belonging to a single economic and cultural type, which facilitated contacts between Neolithic communities. Three main cultural and economic types can be distinguished for the population of the East European Plain: 1) hunters of steppes and forest steppes on large gregarious herbivores, 2) forest hunters and fishermen of the temperate zone, 3) semi-sedentary fishermen of forest rivers of the temperate zone. The ethnographic analogue of archaeological culture is a historical and cultural area, which often has an ethnically heterogeneous structure, and its components are not necessarily connected by common origin. In the Neolithic, the boundaries of such areas coincide with large river basins and natural landscape zones. The archaeological culture of the Neolithic represents a peculiar clot of cultural and primeval continuity.

Keywords: archaeology, Neolithic, archaeological culture, primeval continuity, community, local group, cultural and economic type

В советской исторической науке преобладающей являлась точка зрения о соответствии археологической культуры определенной этнической общности. По мнению

Л.С. Клейна, положение о соответствии археологической культуры определенному этносу впервые было обосновано немецким исследователем Э. Блюме, который отмечал, что

совпадение границ распространения типов не может иметь иного объяснения, кроме этнической общности: племенное родство и единство языка облегчали культурный контакт, а их отсутствие затрудняло, поэтому этническая граница должна была препятствовать распространению типов (Клейн, 1991, с. 145–146). Позже А.Я. Брюсовым была высказана точка зрения, что археологическая культура отражает в своем единстве своеобразии различных сторон жизни определенной этнической группы в процессе конкретного исторического развития (Брюсов, 1952, с. 20). М.Е. Фосс непосредственно выделяла первобытные этносы по керамической орнаментации (Фосс, 1952, с. 69–77). А.А. Формозов аргументировал тезис о выделении археологических культур, соответствующих этническим общностям, с верхнепалеолитической эпохи (Формозов, 1977, с. 31–32). Н.Н. Гуриной в развернутом определении археологической культуры указывалось, что каждая неолитическая культура соответствует, по-видимому, группе родственных племен, то есть коллективу людей, живших на компактной территории, говорящих на одном языке и родственных по происхождению (Гурина, 1973, с. 16). В.П. Третьяков, отмечая тот факт, что идентичность материальной культуры прослеживается гораздо шире предполагаемой племенной территории, пришел к выводу, что археологическая культура представляет собой свидетельства существования в эпоху неолита устойчивых объединений родственных племен (Третьяков, 1972, с. 11).

М.В. Воеводский и А.А. Формозов полагают, что наряду с археологическими культурами существовали и более крупные общности (Воеводский, Формозов, 1950, с. 32–54). Несколько археологических культур, объединенных рядом общих признаков, наличие которых позволяло А.А. Формозову предполагать их этническое или генетическое родство, выделялись в культурную область. Культуры, обладавшие сходством, не имевшим этнического характера, объединялись в культурную зону. Наименование культурной провинции было закреплено за районом, в котором не протяжении длительного времени сохранялись: некое единство, специфичность и общие традиции (Формозов, 1959, с. 11–24, 115–116).

Точка зрения А.А. Формозова была поддержана Н.Н. Гуриной, которая за каждой этно-

культурной областью видела этническую или этнолингвистическую общность, состоящую из группы родственных племен, говорящих на диалектах одного языка, обладающих многими общими особенностями культуры. Ею же было выдвинуто предположение, что такие группы родственных племен были основными этническими единицами неолитической эпохи (Гурина, 1973, с. 16). Данный тезис был подвергнут аргументированной критике со стороны А.А. Выборнова, который на примере неолитических культур лесостепной и степной зон Европейской России показал, что объединения более крупные, чем археологические культуры не обладают таким признаком, как происхождение на сходной основе и, следовательно, не относятся к разряду этнических общностей. По мнению А.А. Выборнова, неолитические культуры, обладающие определенным сходством развития, тесно контактирующие и взаимовлияющие друг на друга, следует объединять в историко-культурные области по примеру историко-этнографических областей (Выборнов, 1988б, с. 11–19).

Исследование австралийских аборигенов показало, что у них отсутствует социальный институт, который можно было бы отождествить с племенем. Основу их социальной структуры составляют локальные группы (общины), а любые более сложные объединения аморфны и нестабильны (Кабо, 1986). По мнению американского антрополога М. Фрида, племя – это довольно позднее явление, возникшее в эпоху сложения государства, к тому же не имевшее универсального характера (Fried, 1978).

Следовательно, этническое родство не являлось решающим фактором в процессе сложения сходных признаков материальной культуры, которые фиксируются в результате археологических изысканий. По-видимому, большее значение имела принадлежность к единому хозяйственно-культурному типу, которые выделяются по ведущему направлению хозяйства, обуславливавшего весь образ жизни первобытного населения. Однако до появления производящего хозяйства число подобных типов весьма ограничено, к тому же их особенности целиком и полностью зависят от условий окружающего ландшафта, поскольку способ хозяйствования представляет собой форму адаптации к данным условиям. С учетом того, что неолитическое хозяй-

ство, как правило, носило комплексный, а не специализированный характер, для населения Русской равнины можно выделить три основных типа: 1) охотники степей и лесостепей на крупных стадных травоядных животных, 2) лесные охотники и рыболовы умеренной зоны, 3) полуседлые рыболовы лесных рек умеренной зоны. Справедливость подобного выделения подтверждается набором остеологических остатков неолитических стоянок.

На территории лесной зоны основными объектами охоты являлись такие крупные животные, как: лоси, кабаны, реже медведи, а также разнообразная водоплавающая дичь. На отдельных памятниках также многочисленны кости бобра, на других – они единичны (Саблин, Пантелеев, Сыромятникова, 2011). В степной зоне охота велась в основном на крупных копытных: лошадей, туров, сайгаков (Гасилин, Косинцев, Саблин, 2006; Скоробогатов и др., 2023; Выборнов и др., 2022). Поскольку ихтиофауна на дюнных стоянках сохраняется значительно хуже, о рыболовецкой специализации в основном можно судить по набору инвентаря и наличию мощных культурных слоев, свидетельствующих о достаточно оседлом образе жизни. Переход к полуседлому рыболовству первоначально, видимо, произошел в местах наиболее богатых рыбными ресурсами. В частности, массовое появление стационарных жилищ в сопровождении представительных комплексов рубящих орудий, необходимых для выделки лодок и устройства заколов, на территории Марийского Поволжья фиксируется еще в эпоху мезолита (Никитин, 2018; Выборнов, Ставицкий, 2022а). С эпохи мезолита рыболовецкая специализация отмечается исследователями и на ряде торфяниковых стоянок Верхнего Поволжья (Жилин и др., 2002). Основным источником пищевых ресурсов рыболовство на памятниках лесной зоны, вероятно, становится в позднем неолите (Выборнов, Ставицкий, 2022б). По-видимому, именно массовый переход к интенсивному рыболовству, произошедший у носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, привел к появлению достаточно четкой границы между населением Верхнего Поволжья и Прикамья, где в более раннее время имело место распространение сходных (гребенчатых) традиций орнаментации керамики. Возможно, что стабилизации данной границы способствовало

и определенное различие природных ландшафтов. Основной ареал распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики – это зона смешанных и широколиственных лесов, а территория Среднего и Верхнего Прикамья относится к таежной зоне. Фауна таежных лесов отличается меньшим разнообразием и меньшим объемом биомассы. Кроме того, тайга не входит в ареал распространения кабана, одного из основных объектов охоты населения широколиственных лесов. Следует также отметить, что на памятниках Верхнего Поволжья широко представлены кости бобра, которые в Прикамье также встречаются, однако данных для их статистического анализа недостаточно (Лычагина, 2019; Выборнов, Ставицкий, 2021).

По мнению М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова то, что устанавливается в результате изучения археологами материальных останков, т. е. археологическая культура, соответствует этнографической историко-культурной области, которая нередко имеет этнически неоднородную структуру, а составляющие ее компоненты не обязательно связаны общностью происхождения (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 16). В эпоху первобытности историко-культурные области чаще всего возникали на базе единого хозяйственно-культурного типа, открывавшего возможность для взаимопонимания, интенсивных контактов и обоюдных заимствований. В рамках подобной области создавались оптимальные условия для развития интенсивных контактов между отдельными человеческими коллективами, на основе сходного образа жизни устанавливалось тесное взаимопонимание, происходила постепенная нивелировка культурных различий (История..., 1986, с. 459–460). В итоге складываются сходные культурно-бытовые особенности, находящие свое проявление в материальной культуре (типах жилищ, средствах передвижения, домашней утвари, одежде, обуви, пище и т. д.), а также во многих сторонах духовной культуры (верования, фольклор, календарные обряды и обычаи) (Андрианов, 1995).

Как уже было отмечено выше, основной этнической единицей в эту эпоху являлась локально-родовая группа. Любые более крупные объединения были весьма аморфны и нестабильны, что порождало диффузность и нестабильность культурных границ (Исто-

рия..., 1986, с. 463–470). Этнографами было замечено, что в обстановке малой плотности населения и высокой подвижности мелких общин при отсутствии какого-либо транспорта каждая община имела свою систему брачных связей и находилась в центре своей собственной социальной сети. В результате чего создавались цепи таких брачных объединений, частично перекрывавших друг друга (Шнирельман, 1982).

Подобная практика приводила к появлению первобытной этнолингвистической непрерывности, при которой языки и культура ближайших локально-родовых групп обладают значительной степенью близости. Сходство между различными группами уменьшается постепенно по мере их территориальной удаленности друг от друга, достаточно долго не пропадая. Возникающую при этом культурно-языковую общность обычно ограничивают только природные рубежи либо значительные участки незаселенного пространства. Подобная этнолингвистическая непрерывность складывается не столько под воздействием генетического, сколько ареального фактора и представляет собой не столько единство, сколько сходство, основанное на диахронных связях. Возникающая при этом расплывчатость культурных границ отмечалась археологами неоднократно, но объяснение этому явлению искали либо в наличии общей подосновы двух соседних культур, либо во всевозможных связях и взаимовлияниях (Халиков, 1969, с. 67; Крайнов, Хотинский, 1977, с. 64; Синюк, 1986, с. 138–141). Однако наличие постоянных связей и приводило к состоянию первобытной непрерывности культуры.

Своеобразная «археологическая непрерывность» материальной культуры неолитического населения лесной полосы Европейской части СССР была выявлена В.П. Третьяковым при сравнительном изучении кремневых орудий соседних регионов. Но, по его мнению, подобная непрерывность отсутствует в распространении керамических традиций (Третьяков, 1982, с. 24). Действительно, слабая заселенность ряда территорий в эпоху раннего неолита, видимо, приводила к разрыву культурной непрерывности, что и нашло отражение в керамике. Кроме того, зарождающиеся очаги керамического производства, на ранних этапах могли перемежаться участ-

ками бескерамических территорий. Но тем не менее существует немало примеров «археологической непрерывности» и в распространении керамических традиций. Тем же В.П. Третьяковым с помощью вычислений коэффициента родственности доказана значительная степень близости керамики днепро-донецкой и среднедонской культур (Третьяков, 1990, с. 43). Наличие ряда сходных черт в керамике ранне-неолитических культур лесной зоны отмечалось Д.А. Крайновым и Н.А. Хотинским (1977, с. 64–67). Сходство керамических традиций позволяет группировать неолитические культуры в более крупные образования типа историко-культурных областей (Гурина, 1973, с. 15–17; Выборнов, 1988б, с. 11–22). Наиболее наглядным примером первобытной непрерывности культуры, несомненно, является культура ямочно-гребенчатой керамики, памятники которой занимают обширные пространства лесной зоны от бассейна р. Камы на востоке до Скандинавского полуострова на западе.

Факт отсутствия четко очерченных границ отмечается В.С. Мосиным для зауральско-западносибирской лесостепи между неолитическими комплексами Зауралья, Притоболья и Приишимья. По его мнению, суть явления определена тем, в какую сторону направлены социальные связи конкретной общины, оставившей археологический памятник – стоянку или поселение. Для зауральско-западносибирской лесостепи эти связи разнонаправленные, поэтому отдельные памятники, оставленные одним и тем же населением, относятся к разным археологическим культурам. Население Зауралья, адаптируясь во вмещающем ландшафте, в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало свои общинные территории и в случае необходимости заходило и в южную часть тайги, и в южную лесостепь (Мосин, 2019, с. 376). Данное явление было осмыслено им через концепцию социокультурного пространства, включавшего в себя определенное количество неолитических общин, занимавших общую территорию, связанных между собой сложной системой отношений. Подобное «пространство», характеризующееся устойчивой системой синхронных и диахронных связей, могло включать как одну культуру (например, камскую), так и несколько (культуры зауральского неолита) (Мосин, 2019, с. 396).

Таким образом, археологическая культура эпохи неолита (особенно раннего) не может представлять собой устойчивого объединения родственных племен и является всего лишь своеобразным сгустком культурно-первобытной непрерывности, не имеющей четко очерченных границ. Как показывают исследования протометаэтнических общностей австралийских аборигенов, границы подобных образований обычно проходили по водоразделам, а их территории совпадали с определенными ландшафтно-климатическими зонами (История..., 1986, с. 467). Совпадение этнокультурных границ с территориями ландшафтных зон и речных бассейнов неоднократно отмечалось и исследователями неолитических культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов Б.В.* Хозяйственно-культурные типы // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. / Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 138–141.
- Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. 263 с.
- Воеводский М. В., Формозов А. А.* Стоянка Песочный ров на реке Десне: к вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы // КСИИМК. Вып. 35. / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М., Л.: АН СССР, 1950. С. 42–54.
- Выборнов А.А.* Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГПИ, 1988а. С.62-78.
- Выборнов А.А.* Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УдМЙЯЛИ УО АН СССР, 1988б. С.11-21.
- Выборнов. А.А., Борисова О.К., Кулькова М.А., Юдин А.И.* Палеогеографический фон неолита - энеолита степного Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 2. С. 8–20.
- Выборнов А.А., Ставицкий В.В.* Рецензия на монографию: Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2019. 632 с. // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 324-328.
- Выборнов А.А., Ставицкий В.В.* Проблемы изучения раннеолитических жилищ Нижнего и Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 83–94.
- Выборнов А.А., Ставицкий В.В.* Дискуссионные вопросы энеолита Среднего Поволжья, Прикамья и Зауралья (рец.: Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола, 2017) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022а. № 2(57). С. 222–229.
- Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В.* Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое / Отв. ред. П.А. Косинцев. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. С. 25–100.
- Гурина Н.Н.* Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 7–24.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука, 2002. 245 с.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 573 с.
- Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 304 с.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42–68.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
- Лычагина Е.Л.* Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2019. 632 с
- Мосин В.С.* Южный Урал в каменном веке / История Южного Урала. Т. 1. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 408 с.
- Никитин В.В.* Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 261 с.
- Саблин М.В., Пантелеев А.В., Сыромятникова Е.В.* Археозоологический анализ остеологического материала из неолитических свайных поселений Подвинья: хозяйство и экология // Труды зоологического института РАН. 2011. Т. 315. №. 2. С. 143–153.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГПИ, 1986. 179 с.

Скоробогатов А.М., Долбунова Е.В., Рослякова Н.В., Гасилин В.В. Ранний неолит Среднего Дона в свете современных исследований (по материалам стоянки Черкасская-5) // Поволжская археология. 2023. № 3(45). С. 38-45.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

Третьяков В.П. К вопросу об «археологической непрерывности» (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита) // СА. 1982. № 2. С. 14–29.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 190 с.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977. 141 с.

Формозов А.А. Этнокультурные области территории европейской части СССР в каменном веке. М.: АН СССР, 1959. 126 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 280 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Шнирельман В.А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1982. С. 83–108.

Fried M. Tribe to State, or State to Tribe in Ancient China? // Origins of Chinese civilization. / Ed. David N. Keightley. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1978. P. 467–493.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Andrianov, B. V. 1995. In Kozlov, V. I. (ed.). *Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov (Ethnic and ethnic-social categories: Code of ethnographic concepts and terms)* (6). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 138–141 (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes of the European part of the USSR in the Neolithic era)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voevodsky M.V., Formozov A.A. 1950. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 35. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 42–54 (in Russian).

Vybornov, A. A. 1988a In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Problemy izucheniya arkheologicheskoy keramiki (Issues of studying archaeological ceramics)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 62–78 (in Russian).

Vybornov, A. A. 1988b. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniya rannego neolita lesnoy polosy Evropeyskoy chasti SSSR (Issues of studying the Early Neolithic forest belt of the European part of the USSR)*. Izhevsk, 11–21 (in Russian).

Vybornov, A. A., Borisova, O. K., Kulkova, M. A., Yudin, A. I. 2022. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2 (21), 8–20 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 324–328 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2022. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 83–94 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2022a. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 57 (2), 222–229 (in Russian).

Gasilin, V. V., Kosintsev, P. A., Sablin, M. V. 2008. In Kosintsev, P. A. (ed.). *Fauna i flora Severnoy Evrazii v pozdnem kaynozoe (Faunas and floras of Northern Eurasia in the Late Cenozoic)*. Ekaterinburg; Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 25–100 (in Russian).

Gurina, N. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony Evropeyskoy chasti (Ethnic and cultural communities of the forest and forest steppe zone of the European part of the*

USSR in the Neolithic). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 7–24 (in Russian).

Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., Utkin, A. V., Engovatova, A. V. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ia. Po materialam stoianki Ivanovskoe VII (Mesolithic and Neolithic Cultures of the Upper Volga Region. On Materials from Ivanovskoe VII Site)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bromlei, Yu. V. (ed.). 1986. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoy rodovoy obshchiny (History of primal society. The era of the primitive tribal community)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Cabo, V. R. 1986. *Pervobytnaya dozemledel'cheskaya obshchina (Primitive pre-agricultural community)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klein, L. S. 1991. *Arkheologicheskaya tipologiya (Archaeological typology)*. Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Krainov, D. A., Khotinsky, N. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 42–68 (in Russian).

Levin, M. G., Cheboksarov, N. N. 1955. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 3–17 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2019. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya (Neolithic of the Upper and Middle Kama Region)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).

Mosin, V. S. 2019. *Yuzhnyy Ural v kamennom veke (Southern Ural in the Stone Age)*. Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (The history of the Southern Urals) 1. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Nikitin, V. V. 2018. *Mezolit Mariyskogo Poles'ya (Mesolithic Mari Polesie)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Sablin, M. V., Pantelev, A. V., Syromyatnikova, E. V. 2011. In *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN (Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)* Vol. 215, no. 2, 143–153 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: "Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet" Publ. (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Dolbunova, E. V., Roslyakova, N. V., Gasilin, V. V. 2023. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 45 (3), 38–45 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 14–29 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov, A. A. 1977. *Problemy etnokul'turnoy istorii kamennogo veka na territorii evropeyskoy chasti SSSR (Issues of the ethnic and cultural history of the Stone Age on the territory of the European part of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov A.A. 1959. *Etnokul'turnye oblasti territorii evropeyskoy chasti SSSR v kamennom veke (Ethnic and cultural areas of the territory of the European part of the USSR in the Stone Age)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR)* 29. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shnirelman, V. A. 1982. In Bromlei, Yu. V. (ed.). *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnicity in pre-class and early class society)*. Moscow: "Nauka" Publ., 83–108 (in Russian).

Fried, M. 1978. In Keightley, D. N. (ed.). *Origins of Chinese civilization*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 467–493 (in English).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.